

На правах рукописи

КАЛАМОВА Юлия Баязовна

**ИСПОЛНЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО РЕШЕНИЯ
КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ
ИЛИ ОСПАРИВАЕМЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ**

12.00.15 — гражданский процесс, арбитражный процесс

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Цепкова Татьяна Митрофановна

Официальные оппоненты: **Трещева Евгения Александровна**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева», профессор
кафедры гражданского процессуального и
предпринимательского права

Артебякина Наталья Александровна
кандидат юридических наук, доцент
кафедры права ФГБОУ ВО «Ульяновский
государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова»

Ведущая организация: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский
государственный университет правосудия»

Защита диссертации состоится «29» мая 2020 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.03 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-01-2020-1d.pdf>).

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Колодуб Григорий Вячеславович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Конституция Российской Федерации предоставила каждому возможность защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В то же время при всем многообразии существующих способов защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов вопрос эффективности такой защиты, в частности, при рассмотрении дела в арбитраже, не перестает быть актуальным в современной отечественной теории цивилистического процесса.

В Российской Федерации учрежден ряд внутригосударственных институтов, их главная задача – гарантирование защиты прав и свобод. Одним из таких институтов по праву считается третейский суд, в деятельности которого особую роль в вопросах эффективности защиты прав граждан и иных заинтересованных лиц играет исполнение принятого им решения – третейского решения. Специфика арбитража заложена в обязанности сторон добровольно исполнить третейское решение. К сожалению, в настоящее время отечественная практика арбитража формируется в направлении, которое существенно снижает роль и практическую значимость добровольного исполнения третейского решения. Проблема исполнения такого решения обостряется тем, что добровольный и принудительный порядки его исполнения в законодательстве Российской Федерации четко не разграничены. Указанное обстоятельство не позволяет однозначно установить, обосновано ли применение принудительных мер по отношению к должнику в том или ином случае в целях исполнения третейского решения, поскольку, как известно, для арбитража данная форма исполнения является исключительной (экстраординарной). Тем не менее активное обращение к принудительному порядку исполнения третейского решения становится обыкновением для сторон арбитража. Думается, что в этой связи законодателю, а впоследствии и правоприменителю предстоит приложить усилия по созданию необходимых правовых возможностей для исполне-

ния сторонами обязанности, возлагаемой на них законодательством Российской Федерации об арбитраже.

Помимо вышеизложенного, анализ современной судебной-арбитражной практики позволяет утверждать о наличии определенных затруднений при переходе к принудительному порядку исполнения решения третейского суда, созданного сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*). Принудительное исполнение указанного решения характеризуется тем, что в силу специфики нотариального делопроизводства и требований законодательства Российской Федерации о нотариате заинтересованная сторона неизбежно столкнется с процедурными особенностями нотариального действия по свидетельствованию верности копии такого решения при обращении в компетентный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения *ad hoc*.

Кроме того, как в доктрине цивилистического процесса, так и в правоприменительной практике, нерешенным остается вопрос о допустимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество, признание которого состоялось на основании третейского решения. Следует принять во внимание, что по итогам масштабной реформы третейского законодательства одним из нововведений в законодательстве Российской Федерации явилось установление безальтернативного порядка исполнения указанного решения, а именно исключительно в принудительной форме.

Реформа третейского законодательства завершилась принятием двух базовых федеральных законов – Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) и Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”». Результаты сравнительно-правового анализа норм

вновь принятых нормативно-правовых актов в сфере арбитража с нормами ныне действующего законодательства подтверждают организационную направленность проводимой реформы в целях создания механизма исключения аффилированных третейских судов. В этой связи можно утверждать, что положено начало реформе, основная цель которой может оказаться недостижимой. Правовые нормы, регулирующие ключевые для защиты нарушенных прав процессуальные вопросы принятия и исполнения третейского решения, в положениях Закона об арбитраже сконструированы не вполне корректно и не позволяют удовлетворить потребность общества, в первую очередь граждан Российской Федерации, в реальной и эффективной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Учитывая широкий спектр вопросов научно-теоретического и практического характера, полагаем, что рассмотрение исполнения третейского решения в качестве одной из возможных гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в теории и практике цивилистического процесса, а также в области альтернативных способов разрешения спора остается без должного внимания.

Степень научной разработанности темы. Правовые проблемы арбитража в целом и исполнения третейского решения в частности, а также сопутствующие им проблемы эффективности защиты нарушенных прав продолжают вызывать интерес и не перестают быть объектом научных исследований.

Вопросы защиты нарушенных прав в несудебном или судебном порядке, в том числе в третейском суде, а также вопросы гарантированности их защиты, прямо либо косвенно были затронуты в разное время в следующих диссертационных исследованиях: В.П. Грибанов «Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав» (1970 г.), В.П. Воложанин «Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке» (1975 г.), Т.Е. Абова «Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений» (1985 г.), В.М. Жуйков «Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту» (1997 г.), А.П. Вершинин «Способы защи-

ты гражданских прав в суде» (1998 г.), Е.В. Михайлова «Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации» (2013 г.), Е.А. Виноградова «Правовые основы организации и деятельности третейского суда» (1994 г.), Е.И. Носырева «Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США» (2001 г.), А.И. Зайцев «Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты)» (2004 г.), М.Ю. Лебедев «Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде» (2005 г.), С.Ж. Соловых «Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров» (2005 г.), А.Н. Кузбагаров «Примирение сторон по конфликтам частного-правового характера» (2006 г.), С.К. Загайнова «Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы» (2008 г.), Д.Х. Валеев «Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве» (2009 г.).

В целом содержание доктринальных источников в этой области свидетельствует о том, что научные исследования авторов сводятся к рассмотрению общетеоретических проблем арбитража как негосударственной процедуры разрешения споров. Бесспорно, процессуально-правовые особенности принятия и исполнения третейского решения представляют собой довольно узкую область в объеме диссертационного исследования и возможно по этой причине редко попадают в поле зрения ученых-процессуалистов, сторонников альтернативных способов разрешения спора. Несмотря на это, отдельного внимания заслуживает диссертационная работа «Гражданская процессуальная система России» (2011 г.), в которой ее автор Д.Я. Малешин в рамках исследования различий между гражданскими процессуальными системами дал глубокую научную оценку судебным и несудебным форм разрешения споров, в частности, третейского разбирательства. За последние 7 лет институту третейского решения была посвящена диссертация И.М. Чупахина («Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы». Екатеринбург, 2012 г.). Отдельных диссертационных исследований, освещающих тему ис-

полнения третейского решения как альтернативной гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с принятием и исполнением третейского решения.

Предмет диссертационного исследования составили научные труды в области защиты нарушенных прав в судебной и несудебной формах защиты, теоретические и нормативно-правовые источники, характеризующие правовую природу третейского решения, его роль и значение, принятие и исполнение в целях эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, материалы правоприменительной практики арбитражных судов, судов общей юрисдикции, Европейского суда по правам человека, регламенты постоянно действующих третейских судов.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы заключается в формировании новых научно-практических положений в сфере отношений по исполнению третейского решения как альтернативной гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, которые позволят усовершенствовать теоретический и доктринальный уровень имеющихся монографических разработок в области альтернативных способов разрешения спора.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

выявить признаки категории «защита права» на основе критического анализа существующих точек зрения в доктрине гражданского, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права;

определить особенности защиты права в судебной и несудебной формах;

установить взаимосвязь и взаимообусловленность категорий «защита права» и «исполнение решения суда»;

определить понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов;

исследовать правовые проблемы научно-теоретического и прикладного характера, возникающие в ходе принятия третейского решения постоянно действующим третейским судом (арбитражным учреждением) и судом ad hoc;

рассмотреть правовые проблемы научно-теоретического и прикладного характера, возникающие в ходе добровольного и принудительного исполнения третейского решения постоянно действующего третейского суда (арбитражного учреждения) и суда ad hoc;

выявить особенности отдельных свойств третейского решения в контексте гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов;

обосновать эффективность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов посредством обеспечения исполнения третейского решения, в первую очередь, в добровольном порядке;

разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации об арбитраже, гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства, законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве и Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена такими методами, как общенаучный и сравнительно-правовой методы, которые нашли применение при написании первой и второй главы диссертационной работы соответственно, а также метод правового моделирования, специально-юридический метод, к которому следует отнести формально-юридический метод.

В числе общенаучных методов необходимо выделить анализ, синтез, индукцию, дедукцию, диалектический метод. В частности, анализ и синтез применялись при написании первой главы диссертационной работы в целях формулирования основных понятий исследования. Диалектический метод использовался при рассмотрении и сопоставлении научных подходов к определению сущности понятия «защита права». Методы индукции и дедукции позволили

сформулировать логические заключения и обобщения при выявлении особенностей защиты права в судебной и несудебной формах, а также по вопросам определения понятия и видов гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

С помощью сравнительно-правового метода выявлены соответствующие проблемы в правовом регулировании принятия и исполнения третейского решения и сформулированы основные рекомендации по совершенствованию законодательства об арбитраже, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Для целей выработки оптимальных правовых конструкций исполнения третейского решения о признании права на недвижимое имущество в ходе исследования также был использован метод правового моделирования.

Формально-юридический метод позволил провести анализ действующего законодательства с точки зрения совершенствования защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в рамках арбитража, выявить ряд пробелов и коллизий.

Теоретической основой диссертационной работы послужили труды монографического и диссертационного уровней в области общей теории права, гражданского, гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и альтернативных способов разрешения спора следующих ученых: Т.Е. Абовой, С.С. Алексеева, Ю.Н. Андреева, Н.А. Артебьякиной, С.Ф. Афанасьева, Н.А. Бобровой, А.А. Богомолова, Д.Х. Валеева, Е.В. Васьковско-го, А.П. Вершинина, Е.А. Виноградовой, В.П. Грибанова, Л.Н. Грось, Р.Е. Гукасяна, О.В. Еременко, Г.А. Жилина, Б.Д. Завидова, С.К. Загайновой, В.И. Захарова, А.И. Зайцева, И.М. Зайцева, Н.Б. Зейдера, О.В. Исаенковой, Д.Н. Кархалева, А.А. Костина, А.Н. Кузбагарова, С.А. Курочкина, М.Ю. Лебедева, Д.Я. Малешина, К.А. Малюшина, Ж.Н. Машутиной, Е.В. Михайловой, М.Э. Морозова, А.М. Моисеева, И.А. Невского, В.Г. Нестолия, Е.И. Носыревой, О.А. Рузаковой, Т.В. Сахновой, Г.В. Севастьянова, Т.В. Синюковой, О.Ю. Скворцова, А.Б. Степина, В.Н. Тарасова, Е.А. Трещевой, Д.А. Фурсова, И.А.

Хасаншина, А.Г. Черниговского, И.М. Чупахина, М.С. Шакарян, В.В. Яркова и других.

В ходе диссертационного исследования были использованы научные доклады зарубежных ученых, представленные в рамках Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.), в частности, труды по гражданскому процессуальному праву А.Узелач и Э. Сильвестри.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Закон об арбитраже, иные федеральные законы и другие нормативно-правовые акты Российской Федерации. Несмотря на признание Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее – Закон о третейских судах) утратившим силу с 1 сентября 2016 г., отдельные его положения также применялись в ходе сравнительно-правового анализа правовых норм, регулирующих принятие и исполнение третейского решения.

Поскольку правовое регулирование деятельности третейских судов осуществляется, в частности, в соответствии с нормативными актами локального уровня, в процессе исследования были проанализированы положения регламентов как международных коммерческих арбитражных судов, так и постоянно действующих третейских судов, рассматривающих внутренние споры.

Эмпирической основой диссертационного исследования являются источники судебной-арбитражной практики, принятые в 1984–2017 гг., а также материалы иной правоприменительной деятельности. В их числе — постановления Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, нижестоящих судов общей юрисдикции, Высшего Арбитражного Суда Российской Федера-

ции и арбитражных судов федеральных округов, доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что, с учетом степени научной разработанности, структуры, цели и задач, объекта и предмета исследования на монографическом уровне разрешены правовые проблемы, связанные со сроками принятия и исполнения третейского решения, которые позволят разграничить добровольный и принудительный порядки исполнения такого решения. На основе проведенного общетеоретического анализа категории «защита права» через призму исполнения принятого судом решения, в частности, третейского решения, автором сформулировано понятие «гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов», определение которого адаптировано к сфере арбитража, предложена классификация гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже. Диссертантом раскрыты особенности участия нотариуса при осуществлении защиты права в рамках арбитража.

С позиции дифференцированного подхода сформулированы и обоснованы предложения по обеспечению добровольного исполнения третейского решения. Также в диссертации изложена новая позиция по вопросу применения принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны при добровольном исполнении третейского решения. Разработаны меры по совершенствованию исполнения третейского решения о признании права собственности на недвижимое имущество.

Научная новизна диссертационного исследования находит отражение в следующих авторских **положениях и выводах концептуального характера, выносимых на защиту:**

1. В диссертации предложено понимание гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже как системы средств и способов, направленных на обеспечение достижения результата правоприменительной деятельности в рамках арбитража, выражающегося в восстановлении обязанным лицом нарушенных или оспариваемых им прав

граждан и организаций, прав и интересов других лиц, являющихся субъектами гражданских или иных правоотношений, вследствие исполнения юрисдикционного акта (третейского решения).

2. Гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже классифицируются в зависимости от наличия правовой формы их выражения на объективированные и необъективированные.

Объективированные гарантии характеризуются нормативным закреплением (принцип добровольности исполнения третейского решения, исполнение третейского решения как правовой институт, свойства третейского решения (обязательность, юридическая исполнимость)).

Необъективированные гарантии неосяземо наличествуют в правовой материи, но при этом не имеют формы объективного выражения (принцип недопустимости недобросовестного поведения стороны при исполнении третейского решения, свойства третейского решения, приобретаемые им, но непомеченные в нормах права, исполнение третейского решения как действие).

3. Выявлено, что совершаемое нотариусом при переходе сторон арбитража к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения суда, созданного сторонами для разрешения конкретного спора (суда *ad hoc*), нотариальное действие по свидетельствованию верности копии такого решения представляет собой гарантию его исполнения в принудительном порядке.

4. Обосновывается, что юридическая исполнимость третейского решения выражается в виде соответствия возможности реализации положений третейского решения предусмотренной законом обязанности добровольного его исполнения и свидетельствует об отсутствии правовых оснований для обращения сторон арбитража к процедуре принудительного исполнения решения. Установленные в третейском решении сроки его принятия и исполнения являются гарантией юридической исполнимости третейского решения.

5. Целесообразно применение принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны при добровольном исполнении третейского реше-

ния. Гарантия соблюдения такого принципа может рассматриваться компетентным судом как основание для вынесения определения о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения с освобождением должника от уплаты исполнительского сбора пропорционально размеру исполненных требований либо в полном объеме. При выявлении факта злоупотребления со стороны должника размер исполнительского сбора может быть увеличен компетентным судом.

6. Аргументирована необходимость внедрения процедуры признания третейских решений, не требующих принудительного исполнения, в целях оптимизации взаимодействия компетентного и третейского судов и обеспечения государственной регистрации права на недвижимое имущество. В рамках названной процедуры должно быть совмещено рассмотрение вопросов о наличии оснований как для отмены третейского решения по заявлению заинтересованного лица, так и для отказа в выдаче исполнительного листа на исполнение третейского решения в принудительном порядке. О признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, компетентный суд выносит определение, которое будет являться правовым основанием для государственной регистрации права на недвижимое имущество, признанного в ходе арбитража.

Уведомление о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу, должно быть направлено от компетентного (государственного) суда, принявшего к производству заявление о признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, непосредственно в адрес регистрирующего органа. Государственный регистратор, в свою очередь, извещает правообладателей о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу.

7. В целях обеспечения добровольного исполнения третейского решения обосновывается применение дифференцированного подхода, предполагающего следующую вариацию действий:

а) компетентный суд отказывает в выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения в случае, если оно добровольно исполнено в полном объеме;

б) добровольное исполнение третейского решения в части является основанием для перехода к стадии принудительного исполнения решения в части, неисполненной добровольно, в рамках которого компетентный суд оценивает добросовестность обеих сторон арбитража, проявленную каждой из них в ходе добровольного исполнения указанного решения. Злоупотребление взыскателем своим правом, выразившееся в его обращении в компетентный суд за выдачей исполнительного листа до истечения установленного срока на добровольное исполнение третейского решения, служит для компетентного суда основанием для оставления указанного заявления без рассмотрения с повторным предоставлением сторонам срока для добровольного исполнения такого решения, не истекшего к моменту обращения. В случае, если должник не приступил к исполнению решения в установленный для его добровольного исполнения срок либо исполнил такое решение в части, суд рассматривает заявление взыскателя и при отсутствии препятствий процессуально-правового характера выдает исполнительный лист на весь объем требований либо на неисполненную часть.

Научно-теоретическая значимость результатов исследования. Полученные результаты научного исследования позволяют взглянуть на правовую природу и сущность третейского решения и порядок его исполнения с новых теоретических позиций, имеющих прямое прикладное значение для современного гражданского общества.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что научные выводы и концептуальные предложения, содержащиеся в диссертационной работе, могут быть использованы в ходе разработки проектов федеральных законов при внесении изменений в законодательство Российской Федерации. Ряд авторских предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации об арбитраже, гражданского процессу-

ального и арбитражного процессуального законодательства, выработанных по результатам настоящего исследования, будут полезны не только для представителей правотворчества и правоприменителей, но и для представителей педагогического сообщества при разработке учебно-методических комплексов, учебных пособий и иной методической литературы по специальному курсу «Арбитраж (третейское разбирательство)».

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа выполнена и обсуждена на кафедре гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Основные выводы и положения диссертации докладывались диссертантом и явились предметом дискуссий на научно-практических конференциях различного уровня (2013–2019 гг.): Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития современной науки: экономика, психология и право» (г. Москва, 22–24 апреля 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Перспектива реформирования гражданского процессуального права» (г. Саратов, 21 февраля 2015 г.); VI Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Верховенство права и правовое государство: теоретические и практические проблемы» в ГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, 28 апреля 2015 г.); VI Международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, аспирантов и соискателей «Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 15–16 мая 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства» (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.); VII Международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, аспирантов и соискателей «Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 20–21 мая 2016 г.); Международной научно-практической конференции

«Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях» (г. Санкт-Петербург, 01 июня 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Перспектива реформирования гражданского процессуального права» (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.).

Основные положения и выводы диссертации изложены в 12 научных статьях, 4 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, рекомендованных для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих четыре параграфа, заключения и библиографического списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна; определяются предмет и объект, цель и задачи исследования, степень его научной и практической значимости; формулируются положения, выносимые на защиту; содержатся сведения об апробации результатов исследования и структуре работы.

Первая глава «Защита права и ее гарантии в арбитраже» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Общая характеристика категории «защита права» и ее особенности в правоприменительной деятельности» посвящен рассмотрению отдельных процессуально-правовых аспектов категории «защита права», позволяющих выявить ее характерные особенности, в частности, соотношение категорий «защита» и «восстановление» нарушенного права, взаимосвязь между исполнением судебного акта и защитой нарушенного права.

Приводятся точки зрения ученых, полагающих, что защиту права следует понимать как установленную законом процессуальную деятельность суда

или иного юрисдикционного органа либо совокупность действий, совершаемых ими, по рассмотрению и разрешению споров о праве и иных правовых вопросов (Ю.Н. Андреев, М.К. Воробьев, Е.В. Михайлова). При этом диссертант придерживается мнения отдельных ученых (К.А. Малюшин, Е.И. Носырева, М.С. Шакарян) о том, что защита права осуществляется в момент восстановления субъективного права, то есть в момент удовлетворения интересов и потребностей лица, следовательно, само по себе решение суда не всегда означает, что право защищено. С учетом изложенного, руководствуясь утвердившейся в научном сообществе позицией о том, что защита права в одном из двух ее аспектов рассматривается как цель правоприменительной деятельности, посредством которой достигается необходимый эффект – восстановление возможности участнику отношения действовать в рамках его правосубъектности (Т.Е. Абова), отмечается, что не любая правоприменительная деятельность может быть признана защитой права.

Арбитраж в отношении конкретного спора считается начавшимся в день, когда исковое заявление получено ответчиком, что предусмотрено ст. 23 Закона об арбитраже. В день, когда было положено начало арбитражу, третейский суд как управомоченный субъект не задействован в рассмотрении спора, следовательно, третейский суд не осуществляет каких-либо юридически значимых действий по защите прав истца. Кроме того, диссертант допускает, что в процессе совершения судом или третейским судом необходимых процессуальных действий по рассмотрению спора создаются лишь предпосылки для защиты нарушенного права. В обоснование данного тезиса автор ссылается на существующие научные взгляды (Л.Н. Грось, В.А. Носов), из которых следует, что суд или третейский суд в соответствии с законом обеспечивает защиту прав путем признания этих прав, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и др. Непосредственно сама защита совершается уже после принятия судебного акта, которым завершается рассмотрение спора по существу. Исполнение итогового судебного акта влечет за собой одновременно три следствия, а именно защиту нарушенного права, восстановление нару-

шенного права, осуществление права. Принимая во внимание точку зрения ученых, разграничивающих такие самостоятельные понятия, как «реализация права», «защита права» и «осуществление права» (Е.В. Михайлова), диссертант приходит к выводу о том, что не следует отождествлять реализацию права и его защиту, реализацию права и его осуществление. В то же время защиту права и его осуществление необходимо рассматривать как единовременный результат, достигаемый исполнением итогового судебного акта. Последний тезис диссертант подкрепляет позицией дореволюционных ученых о том, что верховной и конечной целью гражданского процесса является не установление материальной правды, а осуществление материальных гражданских прав (Е.В. Васьковский).

Обосновывается целесообразность признания совершаемого нотариусом при переходе сторон арбитража к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения суда, созданного сторонами для разрешения конкретного спора (суда *ad hoc*), нотариального действия по свидетельствованию верности копии указанного решения *гарантией* его исполнения в принудительном порядке. В указанных целях диссертант поясняет, что в определенное взаимодействие между собой нотариат, арбитражный и третейский суды вступают в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, образованного сторонами для рассмотрения конкретного спора, суда *ad hoc* (далее – решение суда *ad hoc*). К заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда *ad hoc* должна быть приложена нотариально удостоверенная копия такого решения. Однако при свидетельствовании нотариусом верности копий документов и выписок из них не происходит восстановления нарушенного либо оспариваемого права, поскольку нотариат имеет дело с удостоверением бесспорных фактов. Нотариус не совершает защиту права непосредственно, а лишь обеспечивает ее.

Во втором параграфе «Понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов» формулируется определение понятия «гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов», приводится классификация гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже.

Изучив выработанные в доктрине авторские позиции относительно правовой природы юридических гарантий (А.А. Богомолов, Д.Х. Валеев, И.А. Хасаншин), диссертант отмечает, что одним из составных элементов определения термина «гарантия» служит указание на обеспечение осуществления чего-либо. Поскольку следствием защиты нарушенных или оспариваемых прав выступает возможность заинтересованного лица это право осуществить, следовательно, гарантия защиты нарушенных прав есть условие, способствующее осуществлению данного права. Таким условием, например, может являться исполнение третейского решения, по смыслу и содержанию представляющее собой действие обязанного лица. Обеспечение исполнения чего-либо является второй структурный элемент термина «гарантия», которым, например, может выступать институт исполнения юрисдикционного акта, представленный в виде совокупности правовых норм, регулирующих данную процедуру. В этой связи условием, обеспечивающим такое исполнение, является соответствующая норма права. Анализ теоретических воззрений ученых (С.С. Алексеев) о вещественных и невещественных компонентах правовой материи, а также предлагаемых отдельными авторами (В.С. Каменков, А.В. Лошкарев, А.С. Мордовец) классификаций правовых гарантий позволил диссертанту прийти к выводу о том, что к одной классификационной разновидности могут быть отнесены как средства, так и способы, различающиеся между собой в зависимости от формы их внешнего выражения. Средство или способ могут найти отражение в нормах права либо неосязуемо наличествовать в правовой материи, но при этом не иметь формы объективного выражения. Таким образом, гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже можно классифицировать на объективированные и необъ-

ективированные на основании такого критерия, как наличие правовой формы выражения.

Вторая глава «Третейское решение как основание защиты права в арбитраже» включает два параграфа.

В первом параграфе «Сроки принятия и исполнения третейского решения», опираясь на позицию ученых (О.А. Рузакова, Е.А. Виноградова, Г.В. Севастьянов) о свойственности процессуальной формы арбитражу, диссертант приходит к выводу о том, что не исключена необходимость соблюдения сроков принятия третейского решения и его исполнения. Соблюдение срока как составного элемента процессуальной формы представляет собой одну из гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Диссертант разделяет мнение ученых-процессуалистов (С.К. Загайнова), отмечавших, что процессуальные сроки являются важным юридическим фактом, с которым связана динамика процессуальных правоотношений. Динамика процесса имеет место при переходе от одной ее стадии к другой. В этой связи диссертант полагает возможным распространить действие процессуально-правовых элементов как на стадию принятия третейского решения, так и на стадию его исполнения.

Рассматривается вопрос о том, каким образом наличие либо отсутствие в третейском решении указания на сроки его исполнения влияют на достижение юридической исполнимости такого решения, а также какому порядку исполнения (добровольному или принудительному) присуще требование о юридической исполнимости. С этой целью исследуются позиции ученых (в частности, В.Г. Нестолый) и третейских судей (например, А.М. Моисеев) относительно интерпретации понятия «юридическая исполнимость решения», проводится сравнительный анализ правовых норм Закона об арбитраже и Закона о третейских судах. Определяющую роль свойство юридической исполнимости решения, по мнению диссертанта, будет играть при добровольном исполнении третейского решения. К механизму принудительного исполнения третейского решения стороны вправе обратиться лишь при условии неисполнения третей-

ского решения в добровольном порядке. В то же время нормы Закона об арбитраже не позволяют четко разграничить добровольный и принудительный порядки исполнения третейского решения ввиду отсутствия императивной нормы о необходимости обязательного указания в резолютивной части третейского решения на срок для его добровольного исполнения. В части регулирования процедуры принятия дополнительного третейского решения диссертант обосновывает необходимость сокращения сроков как для направления заявления о принятии дополнительного решения, так и непосредственно для его принятия третейским судом.

Во втором параграфе «Свойства третейского решения» анализируются характерные особенности таких свойств третейского решения, как преюдициальность, обязательность и исполнимость.

Диссертант поддерживает позицию ученых-процессуалистов (С.К. Загайнова, В.В.Ярков), считающих, что о свойстве преюдициальности можно говорить только в отношении тех решений международного коммерческого арбитражного суда (далее – МКАС), которые были признаны и приведены в исполнение государственными судами. В то же время автор обращает внимание на то, что у стороны арбитража, прежде чем пройти процедуру признания и принудительного исполнения решения МКАС, существует не столько возможность, сколько обязанность исполнить данное решение добровольно, не прибегая к содействию компетентного суда. Обосновывается, что при добровольном исполнении третейского решения МКАС имеет место признание обязательной стороной фактов, изложенных в таком решении, которое в силу ст. 70 АПК РФ освобождает другую сторону от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Таким образом, диссертант приходит к выводу о равнозначности процессуальных последствий как в результате признания обязательной стороной обстоятельств, изложенных в третейском решении МКАС, путем его добровольного исполнения, так и в результате признания обстоятельств преюдициальными в рамках процедуры по приведению третейского решения МКАС в исполнение.

Теория судебного доказывания оперирует таким понятием, как бесспорные факты, к которым можно отнести в том числе «ноторные обстоятельства», близкие по своей сути к общеизвестным и преюдициальным фактам. Поддерживая позицию ученых (С.Ф. Афанасьев, И.М. Зайцев) о том, что одним из положений, входящих в понятие бесспорных обстоятельств, является обязательное признание такого обстоятельства судом и надлежащее процессуальное закрепление, диссертант полагает возможным распространить положения концепции бесспорных обстоятельств в отношении арбитража, оговорив при этом особенности, характеризующие данное понятие. Проанализировав последствия добровольного исполнения третейского решения, автор диссертационной работы отмечает, что факты, изложенные в таком решении, могут быть оценены как бесспорные компетентным судом, рассматривающим гражданское дело между сторонами, выступавшими ранее сторонами арбитража и добровольно исполнившими третейское решение. В этой связи к положениям, раскрывающим понятие «бесспорные обстоятельства», следует отнести также признание их сторонами арбитража.

В ходе исследования свойств обязательности и исполнимости третейского решения диссертант присоединяется к точке зрения, преобладающей среди ученых-процессуалистов (М.Э. Морозов, О.Ю. Скворцов, И.М. Чупахин), о том, что третейское решение становится обязательным для сторон с момента его принятия в полном объеме, не отрицая при этом справедливость суждения отдельных авторов (И.А. Невский), в силу которого исполнимость является самостоятельным свойством судебного постановления и не должна смешиваться с другим свойством – обязательностью (общеобязательностью) постановления суда. Наличие у третейского решения свойства исполнимости, по мнению диссертанта, определяется в зависимости от исхода процедуры оспаривания указанного решения, что служит прямым свидетельством невозможности одновременного существования свойств обязательности и исполнимости третейского решения. Юридическая исполнимость и свойство исполнимости применительно к третейскому решению не являются синонимами, по-

скольку представляют собой отражение разных механизмов исполнения третейского решения – добровольного и принудительного соответственно. Свойство обязательности третейского решения следует рассматривать как основание для презумпции добровольного исполнения такого решения. Диссертант констатирует, что третейское решение становится обязательным для сторон с момента его принятия, однако исполнимость решения не может рассматриваться в качестве безусловного следствия его обязательности.

В третьей главе «Правовые проблемы и особенности исполнения третейского решения», проанализировав точки зрения процессуалистов (А.В. Бежан, Е.И. Дискин, Г.В. Севастьянов) о допустимости государственной регистрации права на недвижимое имущество на основании третейского решения, а также приняв во внимание предложение отдельных авторов (С.А. Курочкин) исключить возможность «двойного контроля» со стороны государственных судов за решениями третейского суда, диссертант приходит к заключению, что в отношении арбитража по спорам о правах на недвижимое имущество целесообразнее отказаться от процедуры выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение третейских решений о признании права, разделяя при этом позицию авторов (Т.Е. Абова), полагающих, что удовлетворение иска о признании не влечет за собой выдачу исполнительного листа, поскольку здесь невозможно принудительное исполнение с помощью судебных приставов. В связи с изложенным предлагается видоизменить функции контроля компетентного суда путем внедрения процедуры признания третейских решений, не требующих принудительного исполнения. На данный момент действующее процессуальное законодательство предусматривает возможность признания решений пока лишь только иностранных третейских судов (арбитражей), не позволяя третейским судам, рассматривающим внутренние споры, воспользоваться такой прерогативой.

Исследуя процедуру приведения в исполнение третейского решения суда *ad hoc*, диссертант приходит к выводу об отсутствии четких механизмов контроля на стадии выдачи исполнительного листа в целях принудительного

исполнения принятых ими решений. В случае, если взыскатель предполагает обратиться в компетентный суд для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения суда *ad hoc*, к заявлению должна быть приложена копия подписанного арбитрами третейского решения, удостоверяющая нотариально.

Ввиду отсутствия в законодательстве Российской Федерации императивного требования об указании в третейском решении суда *ad hoc* необходимых реквизитов и информации, идентифицирующих физическое лицо – арбитра суда *ad hoc*, получить достоверные сведения о личности, гражданстве и месте нахождения третейских судей *ad hoc* в определенных случаях затруднительно или невозможно. Кроме того, данное обстоятельство может повлечь невозможность идентифицировать автора документа и привести к отказу нотариуса в свидетельствовании верности копии документа. В связи с этим, по мнению диссертанта, необходимо определиться с содержательной частью информации и реквизитов, требуемых для идентификации автора документа в целях нотариального свидетельствования верности его копии. Рассматривая точку зрения ученых (Е.В. Михайлова) о том, что осуществление права как результат правоприменительной деятельности следует определять только лишь через принуждение, автор полагает, что исполнить решение суда возможно в том числе и в добровольном порядке, не прибегая к принудительным мерам. Обращение заявителя в компетентный суд для получения исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда расценивается, как исключение из общего правила о добровольности исполнения. Между тем диссертант не разделяет мнение отдельных авторов в отношении нереальности применения принципа добровольности исполнения решения третейского суда (Г.В. Севастьянов), поскольку судебной практике известны примеры, свидетельствующие об обратном. Статьи 426 ГПК РФ и 239 АПК РФ предусматривают основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, перечень которых является

исчерпывающим. В то же время добровольное исполнение третейского решения в их числе не значит.

Обосновывается внедрение принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны не только при отправлении правосудия, но и в арбитраже, в первую очередь, в ходе добровольного исполнения третейского решения. При этом неисполнение должником третейского решения в добровольном порядке не в каждом случае влечет нарушение им принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы по рассмотренным теоретическим вопросам избранной темы; вносятся предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Каламова, Ю.Б.* Правовое положение нотариуса на стадии выдачи исполнительного листа в целях принудительного исполнения решения третейского суда ad hoc [Текст] / Ю.Б. Каламова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4 (105). – С. 198–203. ISSN 2227-7315. (0,5 п.л.).

2. *Каламова, Ю.Б.* Процессуальные сроки принятия и исполнения арбитражного решения [Текст] / Ю.Б. Каламова // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2 (44). – С. 95–102. ISSN 2500-0217. (0,55 п.л.).

3. *Каламова, Ю.Б.* Добровольное исполнение арбитражного решения как завершающая стадия арбитража (третейского разбирательства) [Текст] / Ю.Б. Каламова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115). – С. 139–145. ISSN 2227-7315. (0,55 п.л.).

4. *Каламова, Ю.Б.* Реализация категории «защита права» в судебной и несудебной формах защиты права [Текст] / Ю.Б. Каламова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 194–199. ISSN 2227-7315. (0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных журналах и изданиях:

5. *Каламова, Ю.Б.* Теоретико-методологические аспекты соотношения категорий «гарантия права на судебную защиту» и «гарантия защиты права» в рамках системного анализа института третейского решения [Текст] / Ю.Б. Каламова // Проблемы и перспективы развития современной науки: экономика, психология и право: материалы Международной научно-практической конференции (22–24 апреля 2014 г.) / под ред. Ч.Б. Далецкого, О.А. Овсяник, О.С. Машарской. – М.; Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 20–23. ISBN 978-5-91730-345-1. (0,3 п.л.).

6. *Каламова, Ю.Б.* Проблемные аспекты реализации принципа добровольного исполнения решения суда [Текст] / Ю.Б. Каламова // Перспективы реформирования гражданского процессуального права: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 21 февраля 2015 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. – С. 129–132. ISBN 978-5-7924-1160-9. (0,2 п.л.).

7. *Каламова, Ю.Б.* Исполнимость третейского решения как необходимая составляющая его законной силы [Текст] / Ю.Б. Каламова // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: материалы X международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2016. – С. 807–811. ISBN 978-5-93916-517-4. (0,2 п.л.).

8. *Каламова, Ю.Б.* Третейское решение о правах на недвижимость: исполнительный лист или определение компетентного суда о признании третейского решения [Текст] / Ю.Б. Каламова // Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сб. ст. по матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, бакалавров, магистрантов и аспирантов (Саратов, 15–16 мая 2015 г.) / под ред. О.В. Исаенковой, М.Ю. Лебедева. – Саратов: Изд-во

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. – С. 18–21. ISBN 978-5-7924-1164-7. (0,2 п.л.).

9. *Каламова, Ю.Б.* Проблемы соотношения категорий «защита нарушенных прав» и «восстановление нарушенных прав» в рамках концепции развития гражданского судопроизводства [Текст] / Ю.Б. Каламова // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (22 мая 2015 г.) / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб: ИД «Петрополис», 2015. – С. 98–104. ISBN 978-5-9676-0758-5. (0,4 п.л.).

10. *Каламова, Ю.Б.* Международный коммерческий арбитраж vs арбитраж внутренних споров: особенности проявления свойства преюдициальности арбитражного решения [Текст] / Ю.Б. Каламова // Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сб. ст. по матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, бакалавров, магистрантов и аспирантов (Саратов, 20-21 мая 2016 г.) / под ред. О.В. Исаенковой, М.Ю. Лебедева. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – С. 23-29. ISBN 978-5-7924-1214-9. (0,6 п.л.).

11. *Каламова Ю.Б.* Принцип добровольности при защите гражданских прав в арбитраже (третейском разбирательстве) [Текст] / Ю.Б. Каламова // Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях: сб.ст. по матер. Междунар.науч.-практ.конф. (Санкт-Петербург, 1 июня 2018 г.) / сост. Кузбагаров А.Н., Сварчевский К.Г. – СПб.: Петрополис, 2018. – С. 82-88. ISBN 978-5-9676-0998-5. (0,4 п.л.).

12. *Каламова, Ю.Б.* Понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже [Текст] / Ю.Б. Каламова // Перспективы реформирования гражданского процессуального права: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 156-160. ISBN 978-5-7924-1523-2. (0,4 п.л.).